

ЛОДКА скользя по глиняной лодке, облитой закатом проток, с обеих сторон стиснутой густыми зарослями тростников. Женька, пристроившийся на корме, восторженно крутил головой, удивляясь открывшейся ему красоте. Под натужный скрип уключин дед его неторопливо рассказывал о разных случаях, с которыми приходилось ему встречаться во время охоты. Женька не подавал виду, что ему гораздо интереснее сейчас слушать непонятные шорохи и звуки, которыми полны вечерние тростники. Ему хотелось знать, что за рыба всплеснулась, разбив хвостом звуковое зеркало воды, какие утки так стремительно просвистели крыльями над их головами.

За далекими комариными зарослями поймы в грустном и одиноком молчании вечернего торжества тонула горбушка солнечного диска. Розовыми сетями тонкие облака стелились под лодкой. Все было так интересно, что Женька чувствовал себя немножко первооткрывателем и, понятно, счастье его было безмерным. Наконец-то он сам побывал на глухих протоках Черного Иртыша. Почему Черный? Воды его чисты и светлы. И тут же Женька решил: когда будет писать в школе сочинение на тему, как провел летние каникулы, то обязательно расскажет обо всем, что видел здесь и слышал. Главное, он напишет о своем дедке. Пожалуй, ни у кого из мальчишек-одноклассников нет такого дедки, как у него.

Шурша брезентовым, выгоревшем до белизны плащом, дед поворачивался поглядеть, куда плыть или куда свернуть, и снова налегал, неторопливо скидывая мокрые крылья весел.

— Вот так-то, Евгеша. Сызмалства, таким же, как и ты сейчас, постреленком, с тятей значит, в поле работали. Жили на занках. С ним я и на охоту впервые ходил. С тех пор и полюбилась природа. Не смог бы, наверное, сейчас жить без нее, в городе оно все не то: звезд и тех не увидишь. Попривык, не могу без костров, без ушницы с дымком. Не-е-т, что ни говори, а дед Скрыга знает во всем толк.

— Деда, а почему Скрыгой тебя зовут? Это же не фамилия. Жадный ты, что ли?

— Почему, говоришь? — дед оглянулся, подтабанил веслом к повороту. — Да потому, что в старину еще в деревне нашей односельчане ленивы да завистливы были. А мы, Пантелеевы, Скрыги теперь, любили и не боялись работы. Порода у нас, Евгеша, такая. Крепкожилые мы. Отец приучал к труду. Привыкли и к тому, что дома у нас все свое. Снота больше, чем у других. На сенокосе в зной и дождь, бывало, пластаемся. Завсегда заготовим до нового поля. Хватало. Ры-

ба — само собой. Добычливы были и как охотники, и как рыбаки Пантелеевы. Было и то, чего греха-то таить, что другим давать мы не люббили. Привычки у нас такой не было — ходить просить или давать самим. Оно, знаешь, как говорят, дашь руками, потом ходи ногами. А под весну, бывало, то один, то другой — дай то, дай другое. Получается, им дай, а потом сам локоть кусай. Вот за то и прозвали Скрыгами. Так оно и осталось. У нас, если прозвали, то уж никаким железом не выжгешь. Все перепутали, другой раз и не знаешь, у кого прозвище, у кого фамилия.

Скрыга помолчал, только уключины плаксиво и размеренно пели под взмахи весел, мокрых и блестящих, похожих на стрелозинные крылья. Женьке почему-то со словом Скрыга представ-

Мол, они это выжили, охотники, да браконьеры разные. Брехня все это.

— Деда, если так получилось, что мало стало птицы и зверей, значит надо нам всем делать, чтобы они вовсе не исчезли. Которые еще остались, их убивать не надо. Охота им не на пользу. Если ты убил утку, то на следующий год птенцов не будет. Какая польза от охоты, если охота — одно убийство? Нам в школе говорили, что людей сейчас всюду много стало, если все будем убивать или изорить кого-нибудь, ничего вообще на земле не станет.

СКРЯГА опустил весла, повернулся назад. И в тот же миг к щербатому рту приставил палец. «Тшш» — прошипел он, наморщив лоб. Еще раза два тихонько пустил в воду весла и поспеш-

СКРЯГА

РАССКАЗ

дядя была какая-то черная, полуобгоревшая коряга. Страшная, с растопыренными во все стороны хищными, цепкими и крючковатыми когтями.

— Сейчас, Евгеша, — продолжал Скрыга, — много стали говорить, мол, нужно охранять и беречь природу. Оно правильно-то, правильно, ко всему хозйский подход нужен. С другой стороны, надо считаться и с тем, что людям-то жить надо. Разве дело — здесь жить и с пустым брюхом ходить? Для кого тогда сохранять ее, если себе ничего?

— Да, деда, обязательно надо охранять. Нам в школе про это тоже рассказывали. Надо, чтобы все было — и бабочки, и цветы. А то, что за природа, если в ней пусто? Не обязательно же ходить на природу, чтобы кого-то изжарить или сварить, можно и так посмотреть.

Женька еще было хотел что-то сказать, но Скрыга остановил его: «Ты погоди, погоди, не мельтеши, — поднял он руку, словно отгораживаясь от яркого света. — Ты вот послушай, что дед тебе скажет. Я поди не столько годков на свете прожил. Кое в чем мало-мало кумекаю. Дед твой, Евгеша, как говорят, не лыком шит. Так вот скажу: в бытность мою, в прошлом, здесь по Черному Иртышу столько птицы и разной другой дичи было, сказать — не поверишь. На пролете утка и гусь небо скрывали. Казалось, бей, ее, как мякину, не перебьешь. Мы были, а ее не убывало. А сейчас ничего нет. Так себе, по озерам есть утички — и все. Куда подевалось? Вытравили. Все перепалили. Многие, я слышал, на охоту грешат,

но достал спрятанное в лодке под травой ружье.

— Здесь всегда утки, — шепотом, торопливо сказал он Женьке.

— Но сейчас они на гнезда садятся, — хотел остановить его Женька.

— Тихо, ты, — дед пристал втянул шею и взял наперевес ружье. Лодка медленно, влекомая течением, оглядела тростниковый мысок. Показались у края протоки лепешки лилий и кувшинки, отливающие глянцевицей светом. Шумя и сверкая стекающими каплями, внезапно взметнулись крылья уток. Сразу же громыхнули два выстрела, и одна за другой утки гулко шлепнулись в воду. Они плавали кругами, пытались нырнуть, но тела их вода тут же выталкивала назад.

Скрыга подвел лодку и легко выхватил пытающихся спастись птиц. Женька отвернулся и услышал как о борту лодки глухо ударялись птичьих головы. Дед крикнул и, довольно улыбаясь, бросил их в лодку на дно. Женька видел, как обреченно дрожали тела, как беспомощно дергались оранжевые лапки. Багровое пятно крови медленно расплывалось, растворяясь в закатной воде у борта. И вдруг селезень поднялся, подобрал крылья, лишь зелено-химическая головка его лежала безжизненно. У Женьки выступили слезы, и, словно понимая горе его, селезень затряс хвостом, будто хотел унять боль мальчишеского сердца. Женьке казалось, что он говорит хвостом: не надо, успокойся! И, подобрав раскинутые крылья, прилег и затих. Зеленым огнем скользили последние отблески умирающего дня на его крыльях. Ответы еще не по-

тухших высоких облаков кружили на колечках хвоста. Селезень был молодым и сильным.

Женька видел, как дед вытер короткие обросшие редкими волосами пальцы. Достал, закурил «Призму» и, шумя плащом, стал удобнее усаживаться. Тонкие губы его крепко держали сигарету. Блеск холодной пустоты тускло бился вокруг темных зрачков. В движениях появилась восторженная светливость, лицо приняло выражение скрытого блаженства. Оп снова взялся за весла.

— Так вот, Евгеша, — как ни в чем не бывало продолжал он, — охрана природы дело, конечно, нужное. Хорошее. Но делать это, надо с умом.

Дед, как и сначала, много говорил, но Женька опустил полные слез глаза и слышал лишь обрывки слов. Слышал, как он отплевывался (от павшего в рот табака и как натужно и скорбно мычали уключины. О чем-то, невеселом шептались темнеющие тростники и вовсе печально из-за легкого облаков смотрела с высоты луна. Женька избегал взгляда, стараясь не смотреть на деда. Он не узнавал его. Дед стал вдруг для него совсем чужим.

Вскоре лодка ткнулась в обрывистый, обвешанный корнями берег.

— Здесь и шалаш поставим, — выбираясь на обрыв, говорил Скрыга, привязывая лодку к молодой ивовой поросли. — Ты, Евгеша, принеси сена, вон — видишь стожок, а я ивничка нарублю.

— Деда, но ведь нельзя же: сено не наше...

— Давай, давай! — перебил его Скрыга. — Ты делай, что тебе говорят. — И, помахивая топором, он уверенно направился в заросли.

Уже в сумерках у костра дед Женьки ошипывал и палил уток и все не переставал говорить, что он страшно влюблен в природу. И как здорово «ушницы» из уток похлебать под чистым звездным небом. А когда ужин был готов, он позвал Женьку. Однако тот, сославшись, что у него болит голова, ушел спать в шалаш, а на завтра попросил, чтобы дед увез его в село и что он вообще хочет уехать домой.

ЛЕТО прошло. Настал день, когда они — ученики шестого класса — должны были писать сочинение на тему «Как я провел лето». Загоревшие соклассники Женьки наперебой делились впечатлениями о своих прогулках, походах. Женька, задумавшись, мусолил во рту конец ручки и с намерившимися на глаза слезами, молча сидел над чистым листом бумаги. Он вспоминал тот прекрасный вечер на одной из проток Черного Иртыша, слышал гулкие удары о борт лодки и видел синие зеркала на крыльях селезня...

Б. ЩЕРБАКОВ.